Прежде всего не навредить.

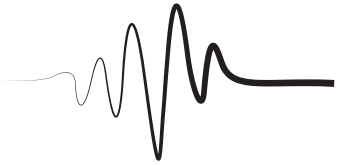
Гиппократ

Прежде всего, не навреди.

Клятва Гиппократа, наши дни

Врачи сталкиваются с психическими заболеваниями... Поэтому не слишком увидивительно, что некоторые черты психически нездоровых людей присутствуют у тех, кто поднялся на вершину нашей профессии.

Дж. Пегрум и О. Пирс, Королевский колледж хирургов, август 2015



Часть первая

1

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 16:32

У меня на шее кровь.

Крошечная точка, не больше веснушки. Совсем незаметная на фоне более важных вещей. Передо мной человек, плоть рассечена, видны кости: черные, в запекшихся пятнах легкие разошлись в стороны, обнажив сердце. Кровавое месиво, а я только и думаю, что об этой крошечной точке.

Перекладываю лезвие из левой руки в правую и вращаю кистью, пока не слышу приятный хруст под кожей. Здесь так тихо, что от холодной плитки на стенах отражается слабое эхо этого звука.

Все присутствующие наблюдают за мной, оценивая твердость моей руки, блеск скальпеля под ярким светом люминесцентных ламп. Кровь окрасила кончик лезвия в розовый. Несмотря на давление, ладони у меня сухие, а скальпель твердо лежит в руке. Но внутри, под слоем форменной одежды, сердце у меня колотится так, что я едва ли не пробую его на вкус.

Но сердце Питера холодное как лед.

Коронарное шунтирование мистера Даунинга шло как по маслу, а потом что-то случилось. Я открыла грудную клетку скальпелем, потом пилой, с помощью шунтов, изготовленных из бедренных вен, шунтировала закупоренные артерии, чтобы кровь начала поступать к мышце сердца. С аорты снят зажим, кровообращение восстановлено, удален холодный раствор калия, который использовали для прекращения сокращений сердца во время операции, и теперь оно должно ожить.

Я смотрю вниз, в его рассеченную грудную клетку, и жду спазма, судороги, первого удара, который станет признаком жизни.

Ничего не происходит.

— Отодвиньте легкие, пожалуйста.

— Отодвиньте легкие, — повторяет доктор Бёрке.

— Верните на аппарат.

— Возвращаем на аппарат, — откликается Карин со стойки перфузиолога.

Я передаю скальпель помощнице и жду в оглушающей тишине. Когда сердце снова подключено к аппарату искусственного кровообращения, я чувствую, что напряжение утекает из комнаты, как жаркий, затянувшийся вздох.

— Дадим ему время, — говорю я, пережимая аорту, — оно, бедное, наверное, совсем вымоталось.

— Как и все мы, — острит доктор Бёрке, ободряюще подмигивая мне поверх очков.

Он так проявляет заботу, но мы оба знаем, что помочь мне не может никто. Каждая операция — коллективная работа, вплоть до этого момента. Доктор Бёрке занимается препаратами, дыхательной трубкой, следит за показателями; Карин сидит на аппарате искусственного кровообращения; хирург на другом конце подготавливает бедренные вены для трансплантации; у каждого специалиста есть помощники. Возле меня стоит Марго, подает инструменты

и тампоны. Но когда дело касается сердца, ответственность только на мне.

По спине у меня пробегает волна жара, между лопатками покалывает.

Сосредоточься.

Я осматриваю грудную полость. Операцию технически сделали хорошо, чисто, шунты пришили надежно. Мы даем сердцу возможность восстановиться, вливаем целый «коктейль» препаратов, чтобы симулировать электрическую активность, ищем метаболические нарушения или что-то, что могли пропустить. Я проверяю, перепроверяю и довожу до совершенства проделанную работу, надеясь, что совершила какую-то ошибку, которую смогу исправить. Ничего не помогает.

Бросаю взгляд на часы на стене. Стремительно приближается конец четырех часов, в течение которых сердце можно держать на аппарате без повреждений. Каждую следующую секунду можно считать очередным гвоздем, забитым в гроб пациента.

Губу у меня покалывает от стекающего пота. Приходится сдерживать желание вытереть ее, повторяя про себя совет моего наставника.

«Никогда не показывай, что нервничаешь. Если ты запаникуешь, запаникуют они. Нельзя привести корабль в гавань, если вся команда попрыгала за борт».

Я сжимаю сердце в руке, сжимаю и разжимаю в том ритме, в котором оно так долго билось раньше, и осторожно кладу его в грудную клетку. Плоть стала ярко-розовой и странным образом выглядит симпатично, как щека, порозовевшая на морозе.

— Попробуем в последний раз, — говорю я и слышу, как струится между слов их настоящий смысл.

Я медленно протягиваю руку, стараясь продлить жизнь пациента как можно дольше, и снимаю зажим с аорты. В сердце струится река крови.

Но ничего не происходит.

Я несколько раз сжимаю сердце рукой, но даже без раствора калия оно кажется странным, холодным; влажным и скользким, как свиная морда.

Давай, Питер.

Плечи у меня напрягаются, я склоняюсь над столом и со всей доступной мне силой пытаюсь вручную запустить сердце. Лицо у меня покрывается потом; Марго молча появляется рядом и промокает каждую каплю.

Я не знаю, сколько времени прошло — минута, десять минут, но, когда я поднимаю глаза от грудной клетки, тяжело дыша в маске и с блестящим от пота лицом, понимаю, что вся команда смотрит на меня и в их глазах читается жалость. И тогда до меня доходит.

Это сердце больше никогда не будет биться.

Стресс пульсирует и отдается болью в глазах, мышцы плеч свело спазмом. Я смотрю на свои руки. Они дрожат, болят оттого, как сильно я сжимала сердце, и я делаю крошечный вдох.

— Отключайте аппарат.

Карин кивает и отводит взгляд. Сегодня умрет человек, и мы будем руководить этим процессом. Я отдам приказ. Она щелкнет переключателем.

— Аппарат отключен, — сообщает она.

— Легкие, пожалуйста.

— Легкие, — повторяет доктор Бёрке.

А потом мы ждем.

Аппарат искусственного кровообращения отключается. Кровь уходит из трубок и возвращается в кровеносную систему пациента. А потом происходит неизбежное: монитор показывает прямую линию замершего сердца. Этот звук отдается в каждом из нас, визгливым эхом ударяется о стены операционной, отражается от каждого аппарата и каждого стального инструмента.

Я смотрю на часы на стене.

— Время смерти 16:53.

2

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 17:10

— Мои соболезнования.

Хирург послабее мог бы в этот момент разглядывать свои ботинки. Если эгоизм не позволил бы ему выдержать взгляд родственника умершего пациента, разбивающий сердце. Но я не отвожу глаз от лица миссис Даунинг и вижу всё: почти беззвучный вскрик, когда на нее обрушивается удар, блестящую пленку слез, застлавшую глаза. Медсестра Вэл из кардиологического отделения рядом со мной нервно дергается.

Я познакомилась с миссис Даунинг, когда они с мужем пришли ко мне на первичную консультацию, и смотрела ей вслед, когда она выходила из кабинета полным надежды упругим шагом. Это должна была быть стандартная процедура; риск, что Питер не вернется домой, был очень невелик. Моя репутация и опыт помогали ей крепко спать по ночам; моя репутация и мой опыт убедили ее мужа подписать документы перед операцией. Как только пройдет шок, она меня за это возненавидит.

— Он страдал? — спрашивает она прерывающимся голосом.

— Нет. Он ничего не почувствовал.

Наверное, она думает, что я бесчеловечная, раз могу твердо смотреть ей в глаза, но у меня просто было много практики. За годы работы я научилась не проявлять в разговоре с родственниками пациентов слишком много сочувствия, чтобы они не сочли это снисходительностью, или грусти, чтобы не перепутали с чувством вины. Если бы я слишком широко улыбнулась, когда подходила к миссис Даунинг, это подарило бы ей ложную надежду. Профессия кардиохирурга означает умение не только чинить сердца, но и разбивать их.

— Миссис Даунинг, — говорю я спокойно, осторожно отстраняясь от ее горя, — Вэл, моя коллега, расскажет вам, что делать дальше, и ответит на любые вопросы. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться к ней.

Вэл берет миссис Даунинг за руку и мягко отводит ее к стулу; ей удается не дать ей разрыдаться, пока я не закрою за собой дверь и не позволю себе расслабить по-британски «застывшую» верхнюю губу.

Закрываю глаза и, перед тем как пойти в раздевалку, делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я уже давно не теряла пациента, сегодня это случилось впервые за долгое время, и внезапно меня охватывает страх, что это может быть началом длинной цепочки ошибок, но я сразу же отмахиваюсь от этой мысли.

Это первое поражение в длинной череде побед. Помни об этом.

Но я уже знаю, что мне не удастся выбросить операцию из головы — то ли привычка, то ли естественное желание исправить недостатки.

Я захожу в раздевалку, стягивая с себя форму. Переодеваюсь, погрузившись в свои мысли.

— Вы в порядке?

Марго стоит возле своего шкафчика, соседнего с моим, и стягивает волосы в хвост. Ей пора бы подкрасить корни.

— В порядке.

Я снова прокручиваю в голове операцию, деталь за деталью, до того момента, как сердце мистера Даунинга перестало работать. Очевидно, сейчас мне не так хорошо, как обычно, удается прятать свои мысли. Есть такое свойство у ошибок: они ударяют в твою броню, обнажая едва заметные уязвимые участки под ней.

— Вы сделали все, что могли.

— Знаю, — лгу я. — Спасибо.

Я чувствую, что ее взгляд задержался на моем лице. Говорю ровным безапелляционным тоном. Без эмоций. Наверное, она считает меня черствой. Возможно, так и есть.

Я чувствую нечеловеческое равнодушие перед тем, как назвать время смерти. Копаясь в чьей-то грудной клетке, я не испытываю никаких эмоций, как электрик, меняющий проводку. Я не думаю о том, кто лежит под хирургической простыней, или о членах его семьи, которые сидят перед операционной и ждут, чтобы их мир пришел в равновесие или схлопнулся. В противном случае я бы сошла с ума. Только когда я выхожу из операционной, на меня наваливается груз последствий, и весь оставшийся вечер я раз за разом проигрываю свои действия в голове.

— Готовы к субботе? — спрашивает она небрежно.

Я забыла. Отвлеклась на операцию мистера Даунинга. В одно мгновение меня снова наполняет тревога.

Через два дня мне предстоит самая важная операция за всю мою карьеру: шунтирование трех коронарных артерий Ахмеда Шабира, члена парламента от Рэдвуда и, если верить слухам, будущего лидера партии лейбористов. Посвященные, которым нельзя разглашать информацию, чтобы не повлиять на результаты будущих выборов, называют его «Пациент Икс». Неповторимые ощущения: размахивать скальпелем, зная, что от тебя зависит судьба потенциального премьер-министра.

— Конечно.

У Марго звонит телефон. Она бросает взгляд на экран и бросает телефон в сумку, оставляя звонить дальше. Я замечаю имя — «Ник», — прежде чем телефон исчезает в ее шкафчике, и достаю из сумки свой, чтобы перечитать нашу с Заком переписку.

Зак

Пожалуйста, я не хочу ехать. Ты обещала, что поедешь со мной.

Он отправил это в обед. Мой сын должен был сидеть и играть, а вместо этого нервничал и писал мне. Я ответила ему между операциями, и от чувства вины меня начало тошнить так, что я оставила свой обед нетронутым.

Я

Я больше всего на свете хочу поехать с тобой в путешествие, но у меня есть очень больные пациенты, которым нужна моя помощь. Мы поедем куда-нибудь летом, вдвоем. Придумай, куда хочешь поехать, и я начну все организовывать. Целую.

Зак

Они всегда для тебя важнее.

Я не знала, что на это ответить.

— Планы на вечер?

Марго скручивает сигарету, облизывает кончиком языка край бумажки, складывает ее и кладет себе за ухо.

Она уже несколько раз пыталась навязаться мне в подруги, как будто поставила себе такую задачу и теперь хочет этого добиться. Но я не мешаю рабочие отношения с личными симпатиями. Если коллеги становятся слишком близки друг другу, неизбежно возникают ошибки. В операционной нельзя расслабляться. Гораздо лучше, если все настороже.

Я надеваю куртку, которую достала из шкафчика.

— Особенно никаких. Мой брат завтра повезет моего сына и свою дочь в Корнуолл на пасхальные каникулы, так что хочу провести вечер с сыном перед его отъездом.

Она прекрасно знает, что за жизнь у медицинского работника в Англии, и не спрашивает, почему я не еду с ними. По крайней мере за это я могу быть ей благодарна.

— Как он, справляется?

Моя рука, застегивающая молнию на куртке, замирает на полпути.

— Что, простите?

Глаза у нее расширяются оттого, каким резким внезапно стал мой тон. Я достаю сумку из шкафчика и с силой захлопываю дверцу.

— Это личное, — отрубаю я и иду к двери. — До завтра.

— Ну да, — грубо отвечает она и произносит себе под нос: — *Сучка*.

Я задерживаюсь у двери, чувствуя, что на языке скопилась уйма непроговоренных слов, а потом закрываю ее за собой с мягким щелчком.

У своей машины я замираю.

В искаженном отражении в стекле мое лицо напоминает череп: темные, с залегшими тенями глазницы; острые скулы и выпирающий подбородок.

Ну и кому ты теперь будешь нужна?

Я забираюсь в машину и бросаю сумку на пассажирское сиденье. Мотор заводится с утомленным ворчанием, и из вентилятора вырывается еле теплый воздух, отгоняя туманную дымку, которой покрыто лобовое стекло. Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Зак уже, наверное, поужинал и растянулся на диване перед телевизором, а Пола убирает кухню и делает другие дела, которые возникают по ходу. Если бы раньше, когда мы жили в Лондоне, кто-то из соседей предложил бы забрать Зака из школы и сложить посуду в посудомойку, я бы закрыла дверь у него перед носом и накинула бы цепочку. Удивительно, какие чудеса творят несколько километров расстояния и полное отчаяние.

Я сижу впервые за шесть часов и чувствую каждый сустав. При мысли о том, что надо еще погулять с собакой, прихожу в ужас, но потом вспоминаю мордочку Мишки, и у меня сжимается сердце. Зак всегда мечтал иметь собаку, и, купив ее, я надеялась, что мое отсутствие будет менее заметным. Это просто добавило еще одно имя в список тех, чье доверие я обманула.

Я думаю о своем изможденном лице в отражении на стекле и опускаю козырек, чтобы получше его рассмотреть. Лицо под тонким слоем косметики кажется бледным и измученным, вокруг глаз залегли темные тени. Белки глаз порозовели, а губы, наоборот, совершенно бесцветные. Я натягиваю кожу кончиками пальцев, чтобы повернуть время вспять, и замираю, заметив его.

Пятнышко крови, оно по-прежнему у меня на шее.

Я в панике начинаю скрести кожу ногтями, пока на ней не появляется ярко-красное пятно, и чувствую, как под пальцами возбужденно стучит пульс. Кровь засохла, превратилась в корку и отходит хлопьями. Когда мне удается ее отскрести, на коже остаются длинные неровные царапины. Я закрываю глаза и снова откидываюсь на сиденье.

Снова этот зуд.

Не могу от него отвязаться с тех пор, как не запустилось сердце. Он как червяк, который не переставая шевелится у меня в мозгу и отнимает способность сосредоточиться. Я с усилием открываю глаза. И снова встречаюсь взглядом с изможденной женщиной в зеркале.

Я отклеиваю полоску накладных ресниц с правого глаза, обнажая почти лысое веко. На нем — одна-единственная невыдернутая ресница.

Мне уже несколько недель удавалось не поддаваться этому желанию. Сидя на диване по вечерам, я выдергивала ниточки, ковыряла заусенцы до крови — все что угодно, лишь бы не делать то единственное, что меня успокаивает: эта мания преследует меня, сколько я себя помню.

Я чувствую, как начинает покалывать кончики пальцев, когда я представляю, как поднимаю их к глазам. Сжимаю кулаки, чтобы раздавить эту потребность, и случайно сминаю накладные ресницы в ладони. Я ругаюсь себе под нос и пытаюсь расправить ресницы, но это уже бесполезно — они погнулись, как лапы мертвого паука, который навсегда

застыл в своей паутине. Снимаю ресницы с другого глаза, скатываю из обеих полосок шарик и бросаю под пассажирское сиденье.

Потребность никуда не делась. Я закатываю рукав куртки и смотрю на волоски на своей руке. Светлые, ломкие, некоторые растут под странным углом, некоторые расщепились на два из-за того, что их постоянно выдергивают с корнем. Если уж и дергать, то на руке, говорю я себе. Проще спрятать. Не так унизительно. Но это не то.

Осторожно подношу руку к глазам, как будто надеясь обмануть саму себя, и чувствую ресницу между пальцев. Потребность растет, и я уже не могу думать ни о чем другом: навязчивая мысль как опухоль в мозге. Я катаю ресницу между пальцами, наслаждаясь моментом, чувствую, как кружится голова, внутри которой происходит финальная схватка, и, наконец, сдаюсь: дергаю. Едва слышный хлопок, и мгновенное облегчение. Меня охватывает чувство умиротворения. Завершаю ритуал, положив ресницу на язык.

Я вздрагиваю, когда начинает звонить телефон, и мельком ловлю свое отражение в зеркале. Щеки у меня возбужденно порозовели, и мне так стыдно, что я не могу заставить себя встретиться с собой взглядом.

Я фрик. Я просто больная, я извращенка.

Я глотаю ресницу и достаю из сумки телефон, на экране имя Адама. Отвечаю через гарнитуру и выезжаю с парковки.

Надо просто добраться до дома.

— Привет, — говорю я, все еще не успокоившись.

— Привет, как дела?

— Все хорошо. У тебя?

— Все нормально. Только что приземлился в Амстердаме, у меня тут встреча. Хотел узнать, все ли в порядке.

Долгая, напряженная пауза. Мы сказали друг другу пару слов, а я уже чувствую, как нахохлилась. Я выезжаю на дорогу. Всего пара поворотов, и я дома.

— Ты за рулем?

— Я только вышла с работы. Тебе что-то нужно?

Останавливаюсь на пешеходном переходе, Адам мнется на другом конце провода. По переходу ковыляет женщина, скрючившись над своими ходунками, с жестким выражением на лице, подставленном холодному ветру.

«Это твое будущее, — произносит голос у меня в голове. — Иссохшая, одинокая».

Я до хруста стискиваю зубы.

— Мой адвокат хочет пересмотреть сумму, — наконец произносит Адам.

Руль скрежещет под моими пальцами, я вжимаю педаль газа в пол. Мотор ревет так внезапно, что женщина вздрагивает, уже стоя на противоположном тротуаре.

— Нет, это *ты* хочешь пересмотреть сумму.

— Прости, Анна.

— Если ты увеличишь сумму, мне придется продать дом, ты же знаешь. Зак и так плохо справляется со всеми этими переменами.

— У меня нет денег.

Я насмешливо фыркаю.

— Тут ни у кого нет денег.

— Нет, у меня прямо *вообще* нет денег.

Я сворачиваю с главного шоссе на Проспект, длинную извилистую дорогу с большими частными домами по сторонам. Мой дом стоит в изгибе дороги, в конце собственного переулка, в стороне от улицы. Рядом только дом Полы и маленький участок леса между домом и территорией больницы. Подумать только, мы с Адамом переехали сюда чуть больше года назад, завороженные возможностью бродить по длинным садовым дорожкам в нашем маленьком убежище в стороне от проторенных троп, думая, что переезд из Лондона в пригород сможет нас спасти.

— Мы затем и платим нашим адвокатам целое состояние, чтобы они обсуждали это вместо нас, — говорю я,

сворачивая в переулок. — Ты обещал, что разводом будут заниматься они, а мы посвятим свое внимание Заку.

От дна машины отскакивает гравий. Слева от меня живая изгородь, справа перелесок, впереди медленно вырастает из-за деревьев крыша моего дома.

— Адвокат пытался с тобой связаться, Анна. Ты не отвечала.

— Господи, Адам, я пытаюсь полноценно работать и быть матерью-одиночкой одновременно. Мог бы это учесть.

У подъездной дорожки я резко давлю на тормоз.

Адам продолжает меня уговаривать, но я его не слушаю, потому что теперь все мое внимание сосредоточено на припаркованных у дома фургонах. Дверь дома открыта настежь и слегка колышется на сквозняке, и, присмотревшись, я вижу, что за окнами мелькают тени.

В моем доме чужие люди.

3

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 18:02

Я так резко вдыхаю, что чуть не начинаю кашлять. Услышав, что слова застряли у меня в горле, Адам спрашивает:

— Что такое?

— У нас в доме приставы!

— *Что?*

— *Приставы!* Фургоны, люди в доме...

— Ты уверена? Кто их впустил?

— Какая разница? У тебя что, *настолько* нет денег?

— Так, не паникуй, все будет нормально. Я об этом позабочусь. Я все ула...